

**Поэтический текст как языковое свидетельство
измененного состояния сознания автора
(на материале стихотворений Марины Чешевой)**

Надежда Всеволодовна Черных

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034 г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб. д. 11
Кандидат филологических наук, докторант
E-mail: ndelaland@narod.ru

Аннотация. Статья содержит результаты изучения воздействия стихотворного текста на глубинные пласты человеческой психики, вхождения автора, а затем и читателя в измененное состояние сознания. Исследование выполнено в русле лингвопоэтики и лингвистики измененных состояний сознания.

Ключевые слова: суггестивность; измененные состояния сознания; поэтический текст; семантическая емкость слова.

Введение. Проведение комплексного исследования поэзии на пересечении дисциплин, изучающих язык и сознание (таких как лингвистика, психология, психолингвистика, философия, культурология, филология измененных состояний сознания, лингвистика измененных состояний сознания и др.), но специфицированных историей своего развития, актуально и перспективно.

Материалы и методы. Материал диссертационного исследования составили русскоязычные поэтические тексты конца XX – начала XXI веков. В данной статье в качестве показательного примера взят небольшой по объему поэтический текст Марины Чешевой. Методика исследования, в соответствии с указанными задачами, основана на функциональном подходе к изучению суггестивного потенциала языка поэзии, она включает следующие методы: метод лингвистического наблюдения и описания; метод контекстуально-интерпретационного анализа; метод компонентного анализа лексики; метод исследования семантических полей.

Обсуждение. Антропоцентрический подход в науке, в том числе и в филологии, постепенно корректирует сложившиеся представления о необходимости сепарированного, секторного изучения мира. Отдельные отрасли человеческого знания накопили значительный массив открытий и требуют интеграции.

Под суггестивностью мы понимаем способность воздействия поэтического текста на глубинные слои психики реципиента (автора/читателя), возможность вхождения посредством текста в измененное состояние сознания (далее – ИСС). Наличие в поэтическом тексте матрицы ИСС (о матричном построении текстов, написанных в ИСС или призванных в него ввести см. работы Д.Л. Спивака [1]), являющейся на языковом уровне слепком ИСС автора, позволяет читателю также войти в ИСС.

Другими словами, можно утверждать, что основной причиной суггестивности стихотворения является переживаемое автором состояние поэтического вдохновения, о котором есть множество свидетельств людей, испытывавших его (писателей, поэтов, художников, музыкантов, философов, ученых и многих других).

Свидетельством ИСС могут быть не только прямые высказывания о нем, но и сам язык произведений, созданных в ИСС. Язык под воздействием ИСС меняется, об этом писал А.М. Пешковский: «В естественном состоянии все, кроме сумасшедших и сумасшествующих (колдуны, шаманы, заклинатели), говорят нормально, то есть понятно» [2]. Л.Н. Толстой ощущал неестественность, ненормальность поэтической речи; говорить так, по его мнению, подобно тому, чтобы идти за плугом, приплясывая. Ср. второе словарное значение слова транс: «внезапно наступающее кратковременное расстройство сознания, во время которого больные совершают немотивированные поступки, стремительно бегут, бессвязно говорят и т.п.» [3]. Осип Мандельштам размышлял о кажущемся безумии поэта, который, имея что-то сказать, не идет к людям, а бежит «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы» и

обращается к «провиденциальному собеседнику» [4]. Но поэт не безумен, он вне пределов ума – и это сущностное различие. Расширенное состояние сознания при поэтическом вдохновении характеризуется рядом черт (таких, как изменение восприятия времени и пространства, растворение границ личности и др.), говорящих о выходе за границы рационального сознания, с его самотождественностью и априорными категориями бытия.

«Передача» этого ИСС осуществляется на бессознательном уровне, вне понимания ее механизмов, однако для нас существенно, что есть зависимость лингвистических проявлений от состояния сознания автора и возникающая вследствие этого возможность их сопоставления и анализа. Те поэтические тексты, которые написаны в ИСС, как правило, имеют определенные языковые особенности, свидетельствующие о необычном режиме работы психики. Чем глубже трансное состояние поэта, тем значительнее языковые сдвиги в тексте по отношению к нормативной речи.

На рациональном уровне соответствовать укоренившимся, ставшим традиционными в стихосложении канонам (инверсия, повтор, ритм, рифма и т.д.) достаточно просто, поэтому они могут имитироваться создателем текста. Но изначально, по-видимому, своим возникновением эти структурообразующие факторы стиха обязаны именно трансному состоянию поэта.

Все поэтические приемы и механизмы имеют потенцию обратного действия, и когда «на входе» присутствует транс, ИСС пишущего, то и «на выходе» – при восприятии текста – читатель имеет возможность попасть в ИСС. Насколько эта возможность будет использована, зависит от вовлеченности читателя, опыта подобного восприятия поэтического текста, создающего необходимую установку, от условий, в которых осуществляется восприятие и т.д. Воздействие в данном случае, как это характерно и для других духовных практик, зависит не только от суггестивного потенциала поэтического текста, но и от готовности реципиента текста испытать это воздействие на себе, войти в ИСС через поэтический текст.

Эволюция поэтических средств (обновление и увеличение их количества), если сравнивать приемы, которые были суггестивны в прошлом, с теми, которые используются сегодня, объясняется естественным привыканием, стиранием новизны. Для прежнего по силе воздействия нужны новые средства – требуется «остранение» (термин, введенный В.Б. Шкловским), преодоление автоматизма речи, причем уже речи поэтической, накопившей свою историю и свой автоматизм.

Стихи являются уникальным инструментом изменения состояния сознания, инструментом, соединяющим в себе способность воздействия ритма (ср. особое поэтическое чтение, или скандовку, в противовес актерскому – напоминающее чтение молитв на литургии, а также музыку, частью которой раньше была лирика, или бубен шамана, вводящий в транс) и «мантрическую многомерность» [5] составляющих стихотворение слов. Посредством воздействия поэтического текста достигается уникальная синхронизация рационального сознания и бессознательного, снимается их противопоставленность, они интегрируются, сознанию возвращается целостность.

Итак, при условии существования определенной связи между состоянием сознания автора всякого текста и языковыми особенностями этого текста (отражением этого состояния в тексте), можно говорить о подобной зависимости и по отношению к поэтическому тексту. Поскольку поэтическая речь характеризуется определенными отличиями от нормативной речи, как и речь людей, находящихся в ИСС другой этиологии, то это так же, как и сами свидетельства находящихся в состоянии поэтического вдохновения, говорит об ИСС поэта. Можно с определенной долей уверенности предположить, что то, что сейчас является традиционным для поэтического языка (ритм, рифма, различные изобразительно-выразительные средства), изначально было следствием именно ИСС, в котором находился поэт.

Обратимся к стихотворному тексту современной поэтессы Марины Чеше-вой, на примере которого можно говорить о поэтическом тексте как «слепке» особого состояния сознания поэта:

тополей посторонний свет
на коленях свернулся снег
словно олово ламп внутри
голос ходит а ты смотри

как у птицы на том окне
 прорастает лицо ко мне

Поэтическая инверсия в этом стихотворении, заданная с первой строки (вместо посторонний свет тополей – тополей посторонний свет) на фоне отсутствия синтаксического членения предложений, выраженного пунктуационно, позволяет произвольно подставлять подлежащие к сказуемому, определение к определяемым словам: «тополей посторонний свет на коленях свернулся» и «на коленях свернулся снег» или «снег словно олово ламп внутри» и «словно олово ламп внутри голос». И в том и в другом варианте прочтения и в обоих сразу стихотворение поддается интерпретации, обладает семантической целостностью, характерной для стихотворений, написанных в ИСС. Светящийся пух тополей – он же снег – свернулся на коленях, что является характерным поведением домашних котиков. Таким образом, пушистость пуха косвенно вводится этой отсылкой к пушистому животному, прямо же подчеркивается светоносность пуха. Далее светоносность поддерживается лампами как источником света и переходит на голос, устроенный подобно лампе, внутри которой в динамическом равновесии «ходит» электричество (между положительно заряженным катодом и отрицательным электронным облаком). Слово «олово», по одной из версий, это суффиксальное образование от корня *ol-*, который можно увидеть в древневерхненемецком *elo* «желтый» и в лат. *album* «белый». То есть, металл назван по цвету соотносимому со светом лампы. Целостность образа поддерживается и звуковой составляющей – словно олово ламп. Все стихотворение, и особенно последние две строки, пластикой образов, их текучестью, незафиксированность форм словно застают акт творения в его длительности, процессуальности. Все еще не застыло, предметы еще не сочинены. Они пропускают свет, колеблются, вытягиваются, растут «как у птицы на том окне / прорастает лицо ко мне», их сплюсчивает, кажется, они обвисают и стекают, как часы на картинах Дали. Метафизичность вещных форм, их факультативность и произвольность ощущается в каждом предмете, поскольку его суть и назначение в том, чтоб служить дверью, пропускающей в иное бытие, «выкидывать» читателя в ИСС.

Заключение. Итак, суггестивный потенциал поэтического текста, связанный с измененными состояниями сознания, и его следует учитывать при анализе поэтической речи. Поэтический текст представляет собой языковой и просодический слепок того состояния сознания, в котором находился поэт, когда писал этот текст. Измененное состояние сознания поэта может быть передано читателю через текст, передача состояния сознания от поэта к читателю через текст зависит: а) от «чистоты канала», по которому осуществляется передача ИСС – объективного качества поэтического текста (складывающегося из множества факторов, таких как: преодоление речевого автоматизма; попадание поэтом в ментальное поле этноса, и шире – подключение к «акупунктурным» точкам человеческого сознания в целом; поэтическое мастерство и т.д.); б) от субъективного переживания, зафиксированного в стихотворении и способного вызвать эмоциональный резонанс у читателя. Подобно тому, как речь пытается вывести мысль в область материального, в сферу выговариваемого, поэзия выводит речь в область идеального, нелинейного, невыговариваемого. Поэзия как бы имитирует доречевое (внеречевое) мысленное общение, выходя за рамки того, что возможно в обычной речи. При рассмотрении воздействия поэтического текста на сознание реципиента и спектра возникающих в этой связи лингвистических проблем в контексте изучения ИСС, эксплицируются множественные связи между искусственно сепарированными научными дисциплинами, изучающими язык и сознание человека, высвечивается их единство (перспективно в этом плане также привлечение лингвориторической парадигмы как интегративного исследовательского подхода [6, 7]).

Примечания:

1. Спивак Д.Л. Язык при измененных состояниях сознания. Л.: Наука, 1989. 87 с.
2. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 56.
3. Толстой Л.Н. // Л.Н. Толстой о литературе: Статьи, письма, дневники. М.: Гослитиздат, 1955. С. 502.
4. Мандельштам О.Э. Сохрани мою речь... Лирика разных лет. Избранная проза. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 326.

5. Лама Анагарика Говинда. Творческая медитация и многомерное сознание: [пер. с англ.] М.: Беловодье, 2006. 320 с.

6. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183–190.

7. Ворожбитова А.А., Ренз Т.Е. Лингвориторико-концептуальный анализ русского классического поэтического текста как основа выявления инварианта и этнокультурной специфики художественной рецепции // Вестник Поморского университета. Вып. 8. 2010. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 172–175.

UDC 81

**Poetic Text as Linguistic Evidence of the Altered State of Mind of the Author
(Marina Chesheva Poetry Case Study)**

Nadezhda V. Chernyx

St. Petersburg State University, Russian Federation
199034 St. Petersburg, ul. University Embankment, 11
PhD
E-mail: ndelaland@narod.ru

Abstract. The article contains the results of a study on the influence of poetic text on the deep levels of a person's psyche as well as the submerging of the author, and then the reader, into an altered state of mind. The research has been conducted from the point of view of linguo-poetry and linguistics of an altered state of mind.

Keywords: suggestiveness; altered state of mind; poetic text; semantic depth of words.